

ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ МЕРВА

(Из работ ЮТАКЭ)

Посвящается памяти крупнейших русских исследователей Мерва — В. А. Жуковского и В. В. Бартольда

Руины Старого Мерва раскинулись на площади свыше 70 км², выходя за пределы стены городской округи рабовладельческой Антиохии Маргианской. Они включают в свою территорию несколько разновременных по происхождению городищ и многочисленные развалины их бывших пригородов. По размерам это самый большой комплексный археологический памятник в СССР. Один из древнейших городов Средней Азии, в свое время Старый Мерв, как теперь выясняется, был самым крупным городом северных областей Парфянского государства.

Руины Старого Мерва давно обратили на себя внимание. За последние сто с лишним лет ими интересовались, их посещали, о них писали очень многие. Когда после 1884 г. они сделались легко доступными, описания развалин города стали особенно часто мелькать в записках путешественников. Некоторые из них пытались производить археологические вскрытия, как, например, члены американской экспедиции Института Карнеджи или участники французской миссии генерала Шафанжона, оставившего по себе память применением при раскопках на Афрасиабе пороховых взрывов при помощи мивных галерей. Большинство авторов ограничивались составлением очерков разной степени доброкачественности и поверхностных описаний; точные исторические данные приводились редко.

В изучении прошлого Мерва за дореволюционное время на фоне некоторого числа неплохих краеведческих работ попадавших в Закаспий представителей русской интеллигенции совершенно особое место занимают исследования В. А. Жуковского и В. В. Бартольда. Первый по поручению Археологической комиссии несколько месяцев 1890 г. посвятил изучению развалин на месте¹. Затем в результате многолетней работы над сопоставлением полученных наблюдений с данными, извлеченными им из письменных источников, он выпустил капитальную монографию «Развалины Старого Мерва»². Равной ей до сих пор нет ни на одном языке ни по одному из городов Среднего Востока. Крупнейший знаток прошлого Средней Азии — В. В. Бартольд дополнил этот труд своей работой «К истории Мерва»³, внося ценные коррективы и ряд совершенно новых сведений, почерпнутых у средневековых восточных авторов. Позднее он же ввел в научный обиход еще немало фактов по истории Мерва, упоминая их

¹ При вторичном посещении Закаспийского края В. А. Жуковский в основном занимался уже не Мервом, а изучением других объектов.

² В. А. Жуковский, Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийской области, МАР, вып. 18 (1894).

³ В. В. Бартольд, К истории Мерва, ЗВО, т. XIX (1909).

в различных своих трудах. Однако и В. А. Жуковский и В. В. Бартольд лишь в малой степени касались поры, предшествовавшей арабскому завоеванию. Для времени с середины III в. до н. э. до III в. н. э. у В. А. Жуковского имеется лишь одна фраза: «Положение Мерва в дни греко-бактрийского владычества, к сожалению, остается в полнейшей неизвестности»¹.

В 1904 г. на Эрк-кале и на Гяур-кале закладывались археологические шурфы американской экспедицией Института Карнеджи. Хотя встреченный археологический материал сопровождался разобранными А. К. Марковым нумизматическими находками и определенными русскими ориенталистами К. Г. Залеманом и В. В. Радловым надписями на остраконах и лопаточных костях животных, ни американские ученые, ни участвовавший в экспедиции немецкий археолог Г. Шмидт никаких выводов по истории Мерва не сделали².

С первых лет революции советские научные организации уделяют особое внимание Старому Мерву. Городище и некоторые из находящихся там архитектурных объектов были включены Туркомстарисом в списки памятников, бравшихся в законодательном порядке на государственную охрану. Изучение развалин предусматривалось планами центральных, среднеазиатских и туркменистанских научных организаций, которые частично и были осуществлены (поездка А. Ю. Якубовского в 1929 г.; раскопки А. А. Марущенко и Б. Б. Пиотровского в 1936 г.; изучение архитектурных памятников Н. М. Бачинским и В. И. Пилявским в 1936—1937 гг. и др.). В 1924 г. развалины Мерва, между прочим, посетил и дал по ним работу, стоящую далеко не на уровне даже тогдашней буржуазной науки, Е. Кон-Винер³. Осуждающе-суровый отзыв на эту работу был опубликован В. В. Бартольдом⁴ вскоре же после ее опубликования.

Колоссальность объекта по площади, его многовековые накопления крупнейших массивов культурных толщ с трудно поддающейся изучению стратиграфией, обычно нарушенных в своих нижних ярусах разновременных наслоений, и недостаточная изученность Южного Туркменистана в археологическом отношении — все это делало почти непосильным для одиночек-исследователей дальнейшее изучение Старого Мерва в целом в соответствии с современными требованиями. Между тем, это одна из важнейших задач советской археологии в Средней Азии. Мимо нее не могли пройти и не прошли работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), состоящей при АН Туркменской ССР. В течение первого пятилетия ее деятельности для изучения Мерва и оазиса древней Маргианы выделялись специальные отряды. В 1946 г. четвертый отряд занимался выявлением остатков огромной районной стены Антиоха I Сотера⁵. В следующем году восьмой отряд выяснял границы городской округи Мерва парфяно-кушанского времени и рабада XI—XII вв. В 1948 г. пятнадцатый отряд производил контрольные раскопки центрального бугра в Эрк-кале. В 1949 г. восемнадцатый отряд осуществил несколько маршрутов в северных частях оазиса Маргианы.

Наконец, в 1950 г. проф. М. Е. Массон возглавил специальную группу по всестороннему изучению развалин Старого Мерва с охватом памятников всех категорий и разных эпох, на предмет выяснения периодизации его истории. Одновременно изучались территория пригородов и все отдельные городища: Гяур-кала с Эрк-калой,

¹ В. А. Жуковский, ук. соч., стр. 7.

² «Explorations in Turkestan. Expedition of 1904», т. I, Washington, 1908.

³ E. Cohn Wiener, Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merw und das Mausoleum Sultan Sandschars, «Jahrbuch der asiatischen Kunst», 1925, стр. 114—122.

⁴ В. В. Бартольд, По поводу археологических работ в Туркменистане в 1924 г. «Сообщения ГАИМК», I (1926).

⁵ С. А. Вязигин, Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы, ТЮТАКЭ, I (1949), стр. 260—275.

Султан-кала с Шахриярком и Искандер-калой, Абдулла-хан-кала с Байрам-Али-хан-калой; при этом производилась регистрация материалов по крупным квадратам и составление археолого-топографических планов. В Эрк-кале и Гяур-кале осуществлены два раскопа и два стратиграфических шурфа. Небольшой разведочный раскоп заложен к югу от Султан-кала. Проведено несколько маршрутных выездов в северном, северо-западном и южном направлениях от Старого Мерва. Седьмой отряд занимался

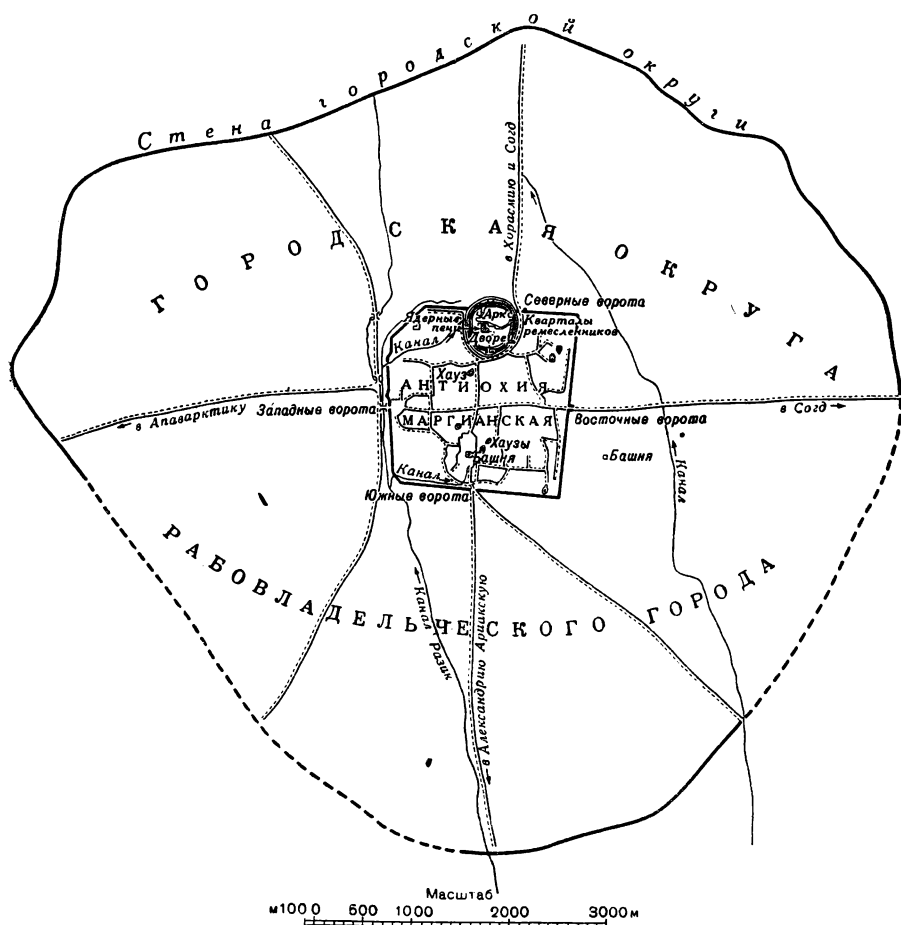

Рис. 1. Мерв парфянского времени

изучением на [городищах и за их пределами древних и средневековых памятников архитектуры, фортификационных сооружений, а также усадеб туркмен-сарыков XVIII—XIX вв.

Весь новый накопленный ЮТАКЭ опыт в части изучения археологических памятников Южного Туркменистана, учет всего сделанного предшествующими исследованиями и широкое привлечение, где это возможно, сведений из письменных источников привели к установлению совершенно новых положений в понимании прошлого Мерва. Пока еще нельзя сказать, когда точно сложилось на территории Старого Мерва первое поселение городского типа. Но совершенно несомненно, что задолго до появления греко-македонских фаланг здесь, в центре Маргианы, уже был крупный укрепленный пункт, чисто местный по своему типу, плану, фортификационным особенностям.

Характерным памятником среди городищ древней Маргианы является обследованный нами в 1950 г. Кырк-депе. Он расположен в 15 км к северо-западу от Гяур-калы и представляет собой почти квадрат со сторонами несколько более 300 м. В середине северо-западного фаса, откуда со стороны песков больше всего можно было ожидать появления неприятеля, имеется овальная в плане, частично выступающая наружу цитадель. Единственный вход в нее изнутри крепости защищен небольшим прямоугольным укреплением с двумя башнями по углам. По окружности стены цитадели имелось до десятка таких же башен, но более крупных размеров. Само почти квадратное укрепление было обведено глинобитной стеной с башнями же, причем в середине северо-восточного, юго-восточного и юго-западного фасов усматриваются следы бывших здесь некогда ворот, фланкированных более мощными башнями, чем остальные бурджи. При современном виде оплывших руин кажется, будто проходы имелись и по обе стороны от цитадели. Пролеты между бурджами стены сильно выветрились и оплыли, почему остатки башен воспринимаются современным населением как отдельные бугры, откуда и само название памятника «Кырк-депе», т. е. «сорок бугров». В действительности, по четырем фаса, не считая цитадели, уцелели следы 38 башен. Степень сохранности городища указывает на его глубокую древность, чему соответствует и самый архаический тип, невольно заставляющий вспомнить авестийскую четырехугольную вару. Внутри укреплений нет никаких остатков построек или сколько-нибудь значительного культурного слоя, который свидетельствовал бы о более или менее продолжительном пребывании здесь людей. Общий облик и отсутствие нажитых наслоений показывают, что мы имеем дело в данном случае с памятником, лишь эпизодически служившим убежищем для окрестных жителей. Среди немногочисленных фрагментов керамики, встречающихся на городище, самые старые принадлежат к группе сосудов грубой выделки не позднее середины I тысячелетия до н. э.

При сравнении Кырк-депе с древнейшим городищем Мерва — Гяур-калой обращает на себя внимание их большое сходство. Разница, в сущности, только в масштабах. Овальной цитадели Кырк-депе соответствует огромный, воспринимаемый как неправильный овал, многогранник Эрк-калы. Средневековая историческая традиция связывала его сооружение с деятельностью легендарного царя Техумерта (Ибн-ал-Факих, BGA, V), или Тахмурса (Истахри, BGA, I), третьего мифического владыки Персии, правившего якобы задолго до Искандера Зулкарнайна (Александра Македонского). Археологически установлено, что в нижних культурных слоях Эрк-калы заключен материал, который может быть датирован по крайней мере второй четвертью I тысячелетия до н. э.¹

Огромная площадь Гяур-калы напоминает квадрат со срезанным северо-западным углом. Наличие скоса, равно как и неправильность линии стены западного фаса Гяур-калы объясняются тем, что снаружи к моменту ее возведения уже протекал один из крупных каналов Мерва — Разик. При постройке стены были учтены изгибы этого канала и устроен северный отвод от него внутрь Гяур-калы, а затем и в Эрк-калу². Земли по Разику были, возможно, одним из древнейших мест обитания в центре густо населенного оазиса Маргианы. Для укрытия от неприятеля его многочисленного населения с большим количеством крупного и мелкого скота требовалась такая обширная площадь, какую занимала Гяур-кала, первоначально имевшая сла-

¹ Ср. Б. Б. П и о т р о в с к и й, Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве, «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 35—41.

² В. В. Бартольд ошибочно предполагал, что главное русло Разика прорезало Гяур-калу и что его «дном» была полоса, «образующая как бы дорогу или большую улицу» (В. В. Б а р т о л ь д, «Сорбщения ГАИМК», I, стр. 210). На самом деле текст Макдиси, где говорится, что Разик (ошибочно ал-Зарк) течет у городских ворот со стороны рабада, входит в город и разделяется в немногочисленные цистерны (BGA, III, стр. 331), надо понимать только в том смысле, что отвод из канала, питавший водой Гяур-калу, входил в шахристан севернее западных ворот рабада.

бую застройку, и то преимущественно в центральной части. Показательно, что даже в пору расцвета рабовладельческого общества во всех четырех углах оставались обширные территории, представлявшие собой полупустыри, может быть, отчасти сады и, во всяком случае, весьма мало застроенные площади. Они были действительно нужны «столичному» укреплению в то время, когда основное богатство жителей все еще составлял скот. С мощью Гяур-калы хорошо согласуется эпитет «могучий», который прилагается в первом фаргарде Видэвдата к созданному Ахура-Маздой третьему месту изобилия — Моуру, т. е. Мервскому оазису.

В свете современных археологических данных можно не сомневаться, что Эрк-кала и территория Гяур-калы были одним из центров восстания маргианцев против персов под руководством Фрада. И, несомненно, на них должно было отразиться подавление восстания в конце 552 г. до н. э. ахеменидским сатрапом Бактрии Дадаршишем, в результате которого было перебито 55 000 человек маргианского населения¹.

Как известно, Квинт Курций Руф (VII, 10, 15) сообщает, что Александр Македонский основал в Маргиане город Александрию и шесть сторожевых укреплений, которые были выстроены неподалеку от этого города. До сих пор не удалось еще точно установить местонахождение Александрии Маргианской и этих укреплений. Однако очень вероятно, что наименование Александрии было дано поселению, находившемуся на территории Гяур-калы, а гарнизон был поселен в Эрк-кала. Записанное в раннем средневековье местное предание приписывает основание «старинного города» на Гяур-кале именно Искандеру Зулькарнейну². Как известно, маргианцы во время восстания против греко-македонского владычества разрушили эту Александрию, и Селевкидам пришлось заново принимать ряд мер для упрочения своей власти в Маргиане. В частности Антиох I Сотер (280—261) отдал распоряжение об окружении всего оазиса огромной стеной в 1 500 стадий (Strabo, XI, 10), быть может, имея в виду оградить плодородные земли с богатыми виноградниками не только от набегов кочевников, но одновременно и от наступления песков, которые прежде были закреплены естественным растительным покровом, но в ту пору снова пришли в движение вследствие более интенсивного развития кочевого скотоводства. Движение песков создавало определенную угрозу стране, причем, вероятно, по неопытности, опасность представлялась тогда значительно большей, чем это было на самом деле. Как бы то ни было, стена была выведена на границе песков, и за протекшие с тех пор две с лишним тысячи лет, несмотря на ряд катастроф, нарушавших надолго пропуск воды по ирригационной сети на окраины оазиса, песок лишь кое-где перехлестнул через бывший рубеж Антиоховской стены и совсем не так уж глубоко проник в глубь культурных земель, хотя сама стена в значительной мере исчезла. Из новых наблюдений 1950 г. над остатками этого грандиозного по своему времени защитного сооружения очень интересен феномен, отмеченный нами в 28 км к северо-западу от Гяур-калы. Здесь на такыре стена никак не сохранилась в рельефе местности, а следы просматриваются лишь в виде широкой светлой полосы, лишенной всякой растительности. На месте бывлой паховой кладки, почти полностью развеянной ветром, лежат черепки, осевшие вниз из бывших верхних рядов пахсы. Километрах в полутора от Мунон-депе такие следы районной стены прослеживаются по прямой линии до самого горизонта.

По распоряжению Антиоха восстановленная одновременно с сооружением упомянутой стены Александрия была названа в честь его отца Селевкией, а затем переименована в Антиохию. Приводимые авторами размеры ее периметра — 70 стадий (т. е. примерно около 11 км) значительно превышают периметр Гяур-калы, имеющий несколько менее 7,5 км. Но, во-первых, неизвестно, чему равнялся стадий, применявшийся для измерений пространств в Средней Азии; во-вторых, следует отметить, что

¹ См. В. В. Струве, Восстание в Маргиане при Дарии I, ВДИ, 1949, № 3, а также «Материалы ЮТАКЭ», в. 1, Ашхабад, 1949.

² И б н - а л ь - Ф а к и х, ВГА, V; И с т а х р и, ВГА, I.

цифра в 70 стадий вообще часто встречается у греко-римских авторов при описании разных городов на далеком северо-востоке (например, Мараканды). Это заставляет усомниться в реальности данной цифры. Правильнее будет принять ее только как показатель относительно значительных размеров некоторых местных городов.

Обследование стен Гяур-калы показало, что она строилась в несколько приемов (причем применялись различные типы кладки) и нередко ремонтировалась. К эпохе Антиоха следует, повидимому, относить выведение на остатках старых глинобитных стен, использованных как пахсовое основание, новых стен из сырцового кирпича (размером $40 \times 40 \times 12$ см). Многочисленные прямоугольные башни, из которых сохрани-

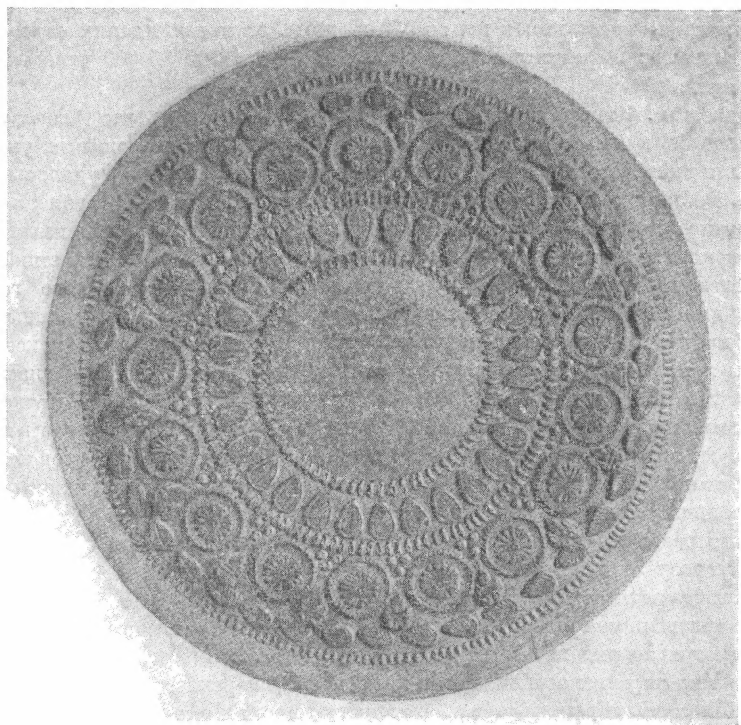

Рис. 2. Оттиск с терракотовой матрицы из Гяур-калы

лось более сотни, нигде не были выдвинуты вперед за линию стен и, таким образом, не давали фланкирования при обороне. В этом отношении они уступали более совершенной фортификации городища «Старая Ниса» раннепарфянского времени, где башни по всему фронту значительно выдвинуты вперед.

Составление археолого-топографического плана Гяур-калы, впервые предпринятое ЮТАКЭ, позволило выявить план этого города и в парфянское время, о чем ранее было решительно ничего не известно. План Гяур-калы, составленный по наблюдениям над выходящими на поверхность культурными слоями, в целом отображает картину XI-XII вв., но вместе с тем по нему удалось в известной степени выяснить схему города парфянского времени с половины III в. до н. э. по III в. н. э. включительно. Антиохия Маргианская при парфянах состояла из цитадели (около 20 га), собственно города (около 3,5 км²) и обширной городской округи. Цитаделью служила древняя крепость Эрк-кала, в которую изнутри города с южной стороны вел крутой пандус. Он шел снизу в направлении с востока на запад и под конец делал один единственный поворот, упираясь затем в мощное воротное укрепление. С восточной стороны, составляя с ним

одно целое, нагребные стены цитадели возвышалась огромная сторожевая башня. Внутри ее были помещения, располагавшиеся в несколько ярусов. Нижние, более старые, сложены из сырцовых кирпичей (40×40×12 см). Верхние парфянские кладки (в том числе сводчатые) выведены из более крупного, но более тонкого кирпича (44×44×10 см), снабженного: некоторых случаях тамгами, которые были грубо прорисованы пальцами по сырой глине. Стена цитадели имела до двух с половиной десятков башен, причем находившаяся в середине северной дуги была несколько крупнее и выше остальных, за исключением расположенной у ворот.

От ворот дорога проходила по обжитой части цитадели¹ и подводила к находившемуся почти в центре сооружению сложного устройства; здесь постепенно на протяжении веков сложился своего рода замок-арсенал. К концу парфянского времени нижние помещения были уже забиты землей и строительным мусором; образовавшаяся таким образом платформа была облицована парфянским кирпичом (с различными тамгами). На платформе, возвышающейся над поверхностью до 25 м, были, видимо, еще какие-то с ооружения, может быть, связанные с жилищем правителя или начальника крепости. Расчистки некоторых забутованных под платформой помещений дали в числе прочих находок несколько бронзовых трехперых наконечников стрел раннепарфянского типа, медные монеты арсакидского чекана и коротенький стиль из слоновой кости с вырезанным на тыльном конце изображением сжатой в кулак кисти руки. По западному фасу, на несколько метров ниже уровня платформы имеются остатки крупных продолговатых печей, где обжигались глиняные ядра для машин метательной артиллерии. Одна из печей была расчищена в 1950 г. вдоль фаса платформы. Другая, обнаруженная раньше, уходит в толщу платформы, имеет в длину до шести метров и осталась с древности сплошь загруженной тысячами круглых ядер бракованной выпечки. Как показали многочисленные наблюдения на развалинах Старого Мерва и, в частности, данные стратиграфии раскопов № 1 в Эрк-кала и № 2 в Гяур-кала, глиняные обожженные ядра, имевшие широкое применение в парфянское время, были двух типов. Одни из них обыкновенные, округлые, достигающие до 22 см в диаметре, другие — в виде равносторонних трехгранных пирамидок со сторонами от 11 до 20 см. Хорошо обожженные до температуры спекания глины, они по физическим свойствам самой формы отличались достаточной прочностью. Совершенно несомненно, что перед нами одна из древнейших разновидностей того вида оборонительных предметов (типа «чеснока») против неприязельской кавалерии, которые в средние века на Востоке обозначались термином «хасак» и состояли из четырех спаянных железных шипов, обращенных в разные стороны. Назначение «хасака», разбрасывавшегося на поле сражения или перед крепостными стенами, заключалось в том, чтобы затруднить маневрирование вражеской конницы. Интересно, что именно так же осмыслиет собранные экспедицией пирамидальные парфянские ядра и местное население. По одной из рассказываемых им легенд, Мерв при султани Саяджаре был укреплен следующим образом: город имел высокую стену с башнями и глубокий наружный ров, а за ним якобы были густо насыпаны пирамидальные ядра, мешавшие лошадям приближаться к Мерву. Употребление круглых глиняных ядер, по данным археологического наблюдения, продолжалось в Мерве и позднее, причем в VI—VII вв. изготовлялись как будто преимущественно ядра мелкого калибра.

Что касается собственно города Мерва поры расцвета рабовладельческого общества, то сейчас выявляется известная правильность его планировки. Она определялась уже формой почти четырехугольного плана Гяур-калы и расположенными в городской стене воротами. Покойный В. А. Жуковский считал почти невозможным выяснить с достаточной долей вероятности не только местоположение ворот на городище Гяур-калы, но даже число их, и на своей условной схеме показал по паре ворот в западном и восточном фасах. В западном его, очевидно, смутили места пропусков двух отводов из русла Разика. В действительности еще при парфянах город имел четверо ворот

¹ Здесь образовался мощный культурный слой.

почти в середине каждого фаса. Главнейшими воротами были южные ¹ и северные. Первые ворота вели на две большие караванные дороги: одну — в направлении на Балх, Индию и Китай; другую — в сторону Серахса и далее через Персию в западные страны. Обе теперь обозначаются не только веками наезженной трассой, но и буграми от развалин караван-сараев и других придорожных сооружений. Из северных ворот отходила главная дорога на Хорезм и Согд. Направлявшиеся в Мавераннахр караваны предпочитали ее в связи с тем, что, двигаясь по ней, можно было сделать целый однодневный переход по культурной полосе оазиса, тогда как после выхода в восточные ворота вскоре приходилось попадать в сыпучие пески. Южные ворота устроены как раз в середине южного фаса; северные же слегка сбиты от проходящей с севера на юг средней оси расположенной на ней цитадели и находятся под ее прикрытием непосредственно с восточной стороны. И у северных, и у южных ворот сохранились остатки довольно примитивного типа защитных сооружений в виде крупных одиночных фортобразных выступов, отходящих наружу под прямым углом к крепостной стене вдоль восточных сторон дорог. У восточных ворот такого рода фортификационное сооружение позднее было заменено двумя параллельно тянувшимися стенами по обе стороны дороги почти на протяжении около ста метров. Западные ворота вели в наиболее густо обжитую часть пригорода, считались, повидимому, наименее угрожаемыми и были не так сильно защищены. Не исключена возможность, что современным видом остатки околоротных сооружений и примыкающая к ним изнутри полуовальная площадь обязаны изменениям, внесенным в раннем средневековье, когда здесь располагался малый базар. Характерной особенностью тех мест, где были расположены древние ворота Гяур-калы, является концентрация около них разбросанных на значительной площади упоминавшихся выше глиняных обожженных ядер.

В западном фаса севернее ворот, но южнее углового скоса расположен специально предусмотренный при возведении стены пропуск упоминавшегося отводного из Разика канала. Головная часть была защищена соответствующим фортификационным сооружением. Несомненно, здесь находился главный ввод канала, снабжавший водой крепость. Возможно, что при парфиянах вода внутрь города проходила и по другим руслам. Сейчас прекрасно видно место впуска внутрь Гяур-калы южного отвода канала, в прежнее время, вероятно, хорошо замаскированного. Во всяком случае, Макдиси в X в. южного отвода не упоминает. Вода по нему растекалась не только по юго-западной части города, но в древности! безусловно могла попадать и в юго-восточную. Сейчас сохранились остатки нескольких разновременных русел арыков, проведенных с внутренней стороны вдоль южного фаса городской стены. Колебания их уровней достигают двух метров. Самое высокое из них — старейшее из уцелевших на поверхности. Вероятно, под опльвом стены погребены и более древние арыки.

На территории Гяур-калы видны следы довольно значительного числа иногда очень крупных и глубоких хаузов-водоемов, из которых в средние века некоторые не могли уже наполняться самостоком, без водоподъемных приспособлений из-за заглубления магистральных каналов, с одной стороны, и из-за поднятия общего уровня поверхности внутри города (за счет накопления мощных культурных наслоений) — с другой. Возможно, что это также явилось впоследствии одной из дополнительных причин, способствовавших раннему замиранию шахристана и переходу основной массы населения в западную часть пригорода — рабада. В парфянское же время такого рода затруднений в водоснабжении города не существовало, и недостатка в воде в нем не ощущалось.]

При всей развитости водоснабженческой сети, с примененной, как и в парфянской Старой Нисе, системой подземных водоотводных гончарных труб-кобуров, она не только не определяла собой планировку города, но, как показали наблюдения, наоборот, сама зависела от нее. Основную схему парфянскому Мерву давали главные улич-

¹ Основываясь на данных В. А. Жуковского, В. В. Бартольд осторожно писал, что «в южной стене Гяур-калы ворот, повидимому, не было» (В. В. Бартольд, К истории Мерва, ЗВО, т. XIX, стр. 7).

ные магистрали, отходившие от четырех ворот и рассекавшие весь город на четыре части. Более плотно была заселена широкая полоса средней части города между восточными и западными воротами, а также кварталы по обе стороны улицы, шедшей от центра к южным воротам. Здесь мощность культурных наслоений достигает 7 и более метров, причем значительная часть нижних ярусов приходится на парфянское время. Большая разреженность наблюдается во всех четырех углах Гяур-калы. Характерно, что здесь «парфянский материал» в виде монет и керамики выходит прямо на поверхность и не перекрыт более поздними отложениями; это показывает, что Гяур-кала полностью была обжита в пору расцвета рабовладельческого общества. Среди отдельно распо-

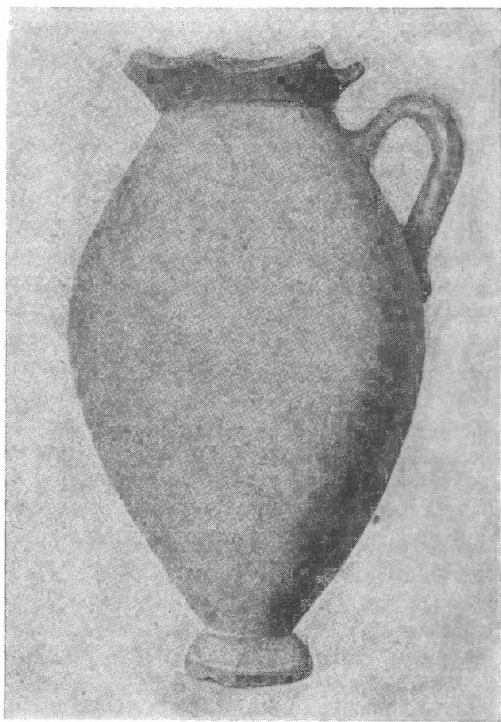

Рис. 3. Парфянский сосуд из раскопа
«дома медных дел мастера»

Рис. 4. Терракотовая фигурка
парфянского времени

женных бугров в северо-восточных и юго-восточных углах городища явно намечаются руины других обширных зданий, причем прослеживаются не только кладки стен из парфянского кирпича, но и своды. Все это многообещающие объекты для будущих раскопок.

Весьма важен установленный в 1950 г. факт наличия в Мерве поры расцвета рабовладельческого города четко выраженных ремесленных кварталов в северо-восточной четверти Гяур-калы. Здесь жили керамисты-посудники, мастера по изготовлению глиняных идольчиков, железных дел мастера, медники-литейщики. Об этом говорят встречающиеся тут формы (калыны), разнообразные шлаки, ошлакованные кирпичи, куски горнов, ладошкообразные крицы, напоминающие таковые же из раскапывавшегося нами в 1938 г. квартала металлостов кушанской поры в Термезе. Заложенный неподалеку от восточного фаса Эрк-калы разведочный раскоп на одном из бугров-руин с остатками ремесленного производства на поверхности обнаружил во вскрытых верхних ярусах три одновременных культурных слоя. Все они относятся к парфянскому времени, датируются значительным числом медных монет арсакидского чекана первых

веков нашей эры и всем комплексом находок (шлаки, сопла, литейные формы, остатки горнов, врытые подле них в пол хумы для воды, предметы продукции и одновременно домашней утвари до идольчиков включительно) связаны с ремеслом литейщиков из меди и лиц, занимающихся вообще обработкой металлов. Это показывает, что в рабочем владельческом Мерве ремесленники со своими мастерскими и жилищами оставались территориально на одном и том же месте на протяжении нескольких поколений.

Среди полученного на Гяур-кале материала парфянского времени совершенно особое значение имеют первые археологические комплексы керамической утвари, датируемые арсакидскими монетами пока преимущественно первых веков нашей эры. Интересны амфоры, энохи, изящные кувшинчики, чаши. Мерв дал также фрагменты керамических ритонов, употреблявшихся в быту и близких к тохаристанским с правобережья Аму-Дарьи, которые принадлежат кушанскому времени. Носик одного мервского ритона изображает голову быка. Собранные

Рис. 5. Терракотовая головка парфянского времени

десятки фигурок терракотовой народной скульптуры, изображающих преимущественно богинь и жриц, то обнаженных, то полубнаженных, то задрапированных в длинные одежды с высокими тюрбанообразными головными уборами и зеркалом в руке. Как и в парфянских слоях Нисы, в Мерве в изобилии попадаются морские раковины из Индийского океана (мелких «каури», больших «тритонов», крупных устриц и др.), указывающих на наличие определенных связей Маргианы со странами Индии.

Вне пределов Гяур-калы памятники парфянского времени рассеяны на всей территории городской округи, границы которой определяются валом Гилякин-Чильбурдж. Больше всего они встречаются в непосредственной близости от Гяур-калы, к северо-западу, северу, северо-востоку и востоку от нее. К юго-западу и западу от этого городища остатки парфянских сооружений по большей части или уничтожены, или скрыты под средневековыми слоями.

Стена Гилякин-Чильбурдж, не сохранившая остатков в юго-западной части, некогда охватывала площадь около 60 км² и имела, несомненно, несколько ворот. Одни из них установлены нами на дороге, идущей от Эрк-калы к северу. Как и у ворот Гяур-калы, здесь обнаружено некоторое скопление керамических ядер. Повидимому, эти ворота можно отождествить с воротами Ник во внешней стене Мерва, упомянутыми у Хамзы Исфahanского¹ и Табари². Точных данных о времени сооружения Гилякин-Чильбурдж пока получить не удалось. В всяком случае, стена городской округи существовала в первых веках нашей эры, когда, вслед за признанием в 61 г. автономии Гиркании, от Парфии отпал ряд провинций и когда Маргиана в числе прочих 18 владений (или «парфянских царств» Плиния), вероятно, получила известную самостоятельность. Археологические разрезы и наблюдения отметили следы крупного ремонта пришедшего в упадок Гилякин-Чильбурджа для времени, непосредственно предшествующего арабскому завоеванию.

Вторая половина существования Парфянского государства была, видимо, для Маргианы особенно беспокойным временем. Пограничное положение между коренными землями Арсакидской Парфии и могущественным Кушанским государством, владевшим побережьем Аму-Дарьи вплоть до Хорезма, делали Мервский оазис весьма уязвимым почти со всех сторон. Несомненно этим объясняется наличие остатков крепостей,

¹ См. В. Г. Тизенгаузен, ЗВО, XI, стр. 332.

² В. В. Бартольд полагал, что ворота Ник, по всей вероятности, помещались в северо-западной части Мерва, см. ЗВО, XIX, стр. 121.

расположенных иногда сравнительно недалеко от самого Мерва. Среди них особенно важным в научном отношении объектом являются развалины Чильбурдж, лежащие всего в 17 км от Гяур-калы и прикрывающие Мерв с северо-запада. В 1904 г. американская экспедиция допустила грубую ошибку, отнеся Чильбурдж к «позднему исламским руинам»¹. В плане крепость представляет неправильный четырехугольник со сторонами от 190 до 230 м. В северном и южном фасах уцелели остатки мощных ворот с инженерными защитными приспособлениями. По углам и всем четырем фасадам выступают наружу на расстоянии около 25 м друг от друга примерно четыре десятка прямоугольных башен-бурдж, которым памятник обязан своим современным названием («Чильбурдж» = сорок башен). Основание стен выведено из нескольких рядов пахсы, клавшихся с большим уклоном. Выше идет кладка небольших размеров из

0 2 4 6 8 10 12 м

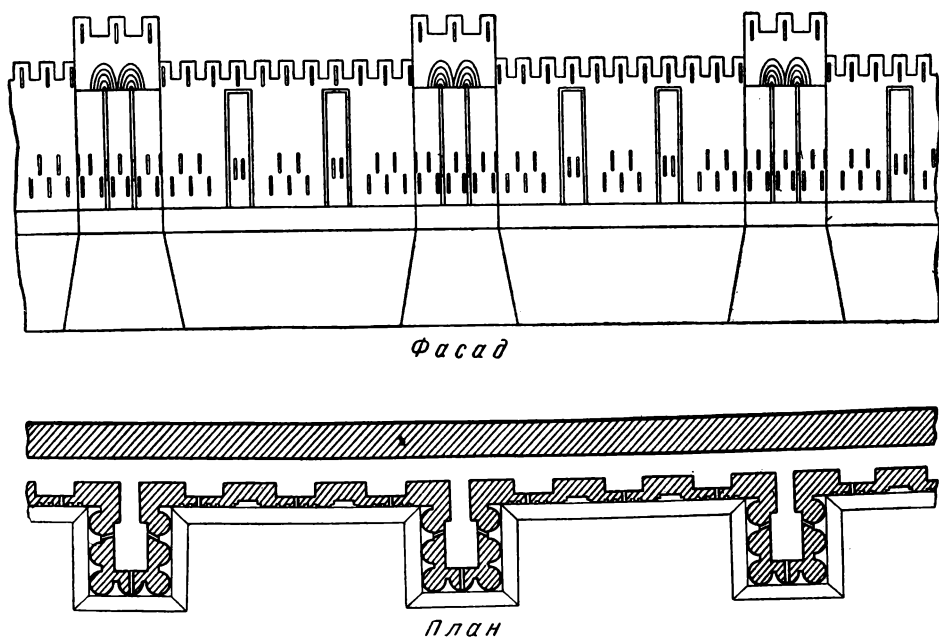

Рис. 6. Парфянская крепость «Чильбурдж» (чертежи реконструкции стен)

крупных квадратных парфянского типа кирпичей. Остатки стен в некоторых местах сохранились по высоте до 15 м от поверхности прилежащего такыра. Кое-где уцелели настоящие и ложные бойницы. Последних было в пять-шесть раз больше подлинных. Особенность крепости составляют «гофрированные» башни — типичная среднеазиатская фортификационно-конструктивная форма, обычно относившаяся исследователями к более позднему, так называемому «сасанидскому» периоду. В Чильбурдже мы имеем наиболее ранний из выявленных памятников, где применены «гофры», и притом уже при устройстве башен.

По сравнению со стенами Гяур-калы и Старой Нисы Чильбурдж представляет собой более совершенное фортификационное сооружение, явно появившееся позднее их. Руины северо-восточной угловой башни сохранили остатки мощного глинобитного наружного футляра, который наложили, вероятно, при каком-то ремонте. Внутри крепости имеются следы лишь незначительной застройки, чем подтверждается основ-

¹ См. E. Huntington, Description of the Kurgans of the Merv Oasis. «Exploration in Turkestan», т. I, Washington, 1908, табл. 58, № 11.

ная функция Чильбурджа — служить крепостью, постоянными обитателями которой были только солдаты гарнизона. Сохранность руин такова, что изучение различных деталей наружного и внутреннего устройства позволило дать графическую реставрацию первоначального вида памятника. Материал, собранный внутри крепости, дает в основном керамику парфяно-кушанского времени и лишь отчасти XI—XII вв. Там же найдены: две медные позднепарфянские монеты (одна из которых принадлежит, по-видимому, чекану Вологеса IV), терракотовая фигурка первых веков нашей эры с кружками-бляшками¹, фрагменты раковин из Индийского океана.

В числе новых наблюдений 1950 г. установлен факт, что стена Антиоха при парфянах, т. е. в пору расцвета рабовладельческого общества, уже не служила границей земель оседлой культуры. Об этом красноречиво свидетельствуют остатки поселений, находящихся вне ее, таких, как, например, Гебеклы. Оно лежит в 32 км к северо-западу от Гяур-калы и в 3 км северо-западнее стены Антиоха. Его укрепленный пункт, имеющий в плане 95×100 м, сложен из сырового кирпича 42×42×12 см. Его керамика принадлежит парфяно-кушанской поре. Среди находок имеются две терракотовые фигурки богинь. На прилежащей площади встречены фрагменты бадахшанского лазурита, железные крицы, керамические шлаки и оплакованные жженные квадратные кирпичи крупного размера. На площади поселения не обнаружено материалов времени кризиса рабовладельческого общества и последующих столетий.

Суммируя все сделанные ЮТАКЭ на месте археологические наблюдения, можно прийти к следующим выводам по древней истории Мерва. Пока не получено никаких определенных археологических данных для времени вхождения Маргианы в состав греко-бактрийского государства. Прочное присоединение Мургабского оазиса к Парфии в конце II в. до н. э., отмеченное наличием среди нумизматических объектов памятных драхм группы *катастратея* с упоминанием Маргианы, приходится на второй период в истории Парфянского государства, именуемый нами «филэллинским»². В эту пору, после разгрома в 53 г. до н. э. армии Красса, в Маргиане было поселено около 10 тысяч пленных римских солдат. В местной народной терракотовой скульптуре этого периода красноречиво отразился процесс постепенной переработки эллинистических мотивов. В третьем периоде истории Парфии, наступившем вскоре после начала нашей эры и характеризующемся «антиэллинским» направлением в политике и культуре, Маргиана, при расчленении государства на более или менее автономные провинции, возможно, получила известную самостоятельность. Тогда были вызваны к жизни описанные выше оборонительные сооружения. К этой поре относится раннее упоминание названия главного города оазиса Антиохии Маргианской как Мерва (в китайской форме Му-лу³), в чем можно усмотреть отказ от прежней эллинизированной географической терминологии. За последние годы некоторые европейские исследователи на основании слов китайской хроники, что завоевание Кадфизом I Кабулистана произошло после покорения Аньси (подразумевая под этим владение «Малой Аньси», т. е. Малой Парфии, или Маргианы), приходят к заключению, что Мервский оазис с тех пор и до вторжения в долину Мургаба сасанидских войск в III в. н. э. прочно входил в состав кушанского государства⁴. Однако данные археологии показывают, что если захват Маргианы кушанами и имел когда-либо место, то он или не был долговременным, или сопровождался установлением каких-то особых отношений с признанием за страной большой самостоятельности. В противном случае при развитом денежном обращении в I—II вв. н. э. в пределах Мургабского оазиса должны были иметь хождение значительные ко-

¹ О мервских фигурках такого типа см. Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, «Труды ЮТАКЭ», I, стр. 344—346.

² Об этом см. ВДИ, 1950, № 3, стр. 47 и сл.

³ И а к и ф, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, СПб., 1851, стр. 114.

⁴ См., например, R. Ghirsmān, Bégam. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchanes. «Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan», XII, Caire, 1946, стр. 151.

личества монет кушанского чекана, в изобилии находимые на территории южных областей Таджикистана, Узбекистана и в Хорезме; между тем в процессе работ ЮТАКЭ на территории Старого Мерва удалось собрать немало монет разных эпох, но среди них до сих пор не зарегистрировано ни одной кушанской¹; наоборот, встречается много позднепарфянских медных халков. Традиционное изображение на их обратной стороне сидящей фигуры обожествленного основателя династии, Арсака I, с луком в протянутой руке показывает, что в Маргиане продолжали жить стремления к признанию некоего единства владений Арсакидов. Четвертый период, характеризующийся в истории Парфии разложением ее как крупного рабовладельческого государства, закончился для Мерва некоторым упадком городской жизни. Об этом наглядно свидетельствуют значительные площади Гяур-калы, где позднепарфянские культурные слои оказываются лежащими на поверхности и не перекрыты никакими последующими наслоениями. Вместе с тем данные археологических наблюдений показывают, что кризис рабовладельческого общества с особой силой сказался в Мерве лишь в IV—V вв., когда в оазисе стали усиленно сооружаться в большом числе крупные укрепленные усадьбы (депе), а сам город заметно захирел и в нем появились заброшенные руины. Характерно, что на Гяур-кале содержимое культурных слоев III в., датировемых монетами раннесасанидского чекана (Ардашир I, Шапур I), мало чем отличается от инвентаря позднепарфянского времени (ср. керамику раскопа № 1 и шурфа № 2). В свете работ ЮТАКЭ 1950 г. для истории Мерва и его оазиса так называемый «сасанидский» период (III—VII вв. н. э.), обычно воспринимавшийся как нечто единое, в действительности распадается на три этапа. Первый охватывает почти все III столетие (с момента гибели Парфянского государства) и, по данным археологии, представляется продолжением предыдущего; он приходится еще на эпоху рабовладельческого общества. Второй этап падает примерно на IV и на большую часть V в. и соответствует поре максимального обострения кризиса рабовладельческого общества. Третий — с конца V в. до завоевания страны арабами, — приходится на раннюю стадию феодализации; он способствовал новому подъему городской жизни Мерва частично в Гяур-кале, а частично на территории западных и юго-западных пригородных участков, в основном по каналу Разик и в меньшей мере по каналу Маджан, где новый центр города оформился уже в VIII веке.

Таковы в самых общих чертах новые данные по древней истории Мерва, полученные в результате работ ЮТАКЭ по комплексному изучению всех его городищ.

Проф. М. Е. Массон

РАСКОПКИ КРЕПОСТИ ГАРНИ

(Основные результаты работ Гарнийской археологической экспедиции Института истории АН Армянской ССР в 1949—1950 гг.)

В археологическом изучении Армении наиболее существенный пробел относится к тысячелетию, лежащему между падением государства Урарту и упразднением царства армянских Аршакидов (от VI в. до н. э. [и до V в. н. э.]). Это было время, когда в истории страны происходили чрезвычайно важные события, крупные сдвиги и изменения. В течение этого тысячелетия произошло образование армянского народа (VII—II вв.); после продолжительной борьбы против мидийских, персидских и селевкидских завоевателей успешно завершилось образование армянского государства. В I в. при Тигране II древнеармянское государство достигло своего высшего могущества. Армения переживала хозяйственный и культурный расцвет, в частности, развивались торговля и ремесло, возник целый ряд го-

¹ О находке халка «безымянного царя» в Ашхабаде [см. «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 139. Признание чекана «безымянного царя» эмиссией Кадфиза I см. М. Е. Массон, Происхождение безымянного «царя царей, великого спасителя», ТСАГУ, н. с., вып. XI (1950), стр. 11—49.

ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

(Из работ ЮТАКЭ 1951 г.)

Состоящая в системе Академии наук Туркменской ССР Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в течение 1951 года проделала значительную работу по освоению ранее собранных материалов и производству раскопок в ряде районов от Мешхеда-Мисрианского плато на западе до оазиса Древней Маргианы на востоке. Как и в прошлые годы, особое внимание уделялось периоду рабовладельческого общества, преимущественно эпохе существования Парфянского государства. Этим занимались шесть из девяти отрядов экспедиции. По этой же линии проходило более половины тематики камеральной обработки.

Путем лабораторных исследований установлено, что у парфян были в употреблении льняные ткани как будто из льна-долгунца, очень близкие к найденным ЮТАКЭ в 1946 г. в Багире средневековым льняным материям¹. Изготовленные из беловатого металла тонкие рельефные аканфы, остролисты и морда львицы из раскопок на городище Старая Ниса при производстве анализа показали, что в них, как и в некоторых монетах греко-бактрийских басилевсов II в. до н. э.², около 20% никеля приходится почти на 80% меди. Это впервые выявило, что такой металл шел в ту пору в Средней Азии не только на редкий монетный чекан, но имел и более широкое применение. К середине 1951 г. завершена реставрация основной массы высокохудожественных парских парфянских ритонов из сотен фрагментов, выкопанных на северном комплексе Старой Нисы. Около четырех десятков ритонов, некогда целиком вырезанных из слоновой кости, удалось восстановить почти полностью. От других ритонов, которые имели утраченные еще в древности стволы из драгоценных металлов, реставрированы костяные рельефные фризы с различными изображениями и конечные скульптурные фигуры в виде крылатых фантастических существ. Это позволило выявить исключительное богатство сюжетного содержания резьбы на ритонах, служивших для торжественных церемоний и жертвенных возлияний вина (рис. 1).

Полевые исследования выявили ряд новых памятников рабовладельческого общества. На Мешхеда-Мисрианском плато, к западу от развалин Дахистана, установлено наличие системы каналов, орошавшей целый район до VIII в. и возникшей еще, по-видимому, в пору рабовладельческой формации. Несколько пунктов с археологическим материалом этой эпохи установлено близ Казанджика, к западу от него в сторону

¹ Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 420.

² М. Е. М а с с о н, Из загадок древней металлургии Афганистана, «За недра Средней Азии», 1932, № 2, стр. 65—68.

Красноводска, в районах, связанных со строительством Главного Туркменского канала. Одно парфянское поселение обнаружено в 4,5 км к северу от селения Мурча, Бахарденского района; другое — в 1,5 км к востоку от конца ущелья Чули, находящегося к западу от Ашхабада. При обследовании текинской крепости Геок-тепе, получившей известность в связи с военными действиями 1879—1881 гг. и со штурмом ее войсками Скобелева, оказалось, что она находится на месте крупного поселения парфянского времени. Расположенное здесь квадратное в плане городище Денгиль-депе представляет собой типичную парфянскую крепость площадью примерно 200×200 м, с шестью башнями по каждой стороне и питаделью в юго-западном углу. На ее поверхности встречена керамика первых веков н. э.

Рис. 1. Реставрированные парфянские ритоны в Археологическом кабинете Среднеазиатского государственного университета (Ташкент)

Особенно много новых памятников парфянского времени было открыто в 1951 г. в Мервском оазисе к северу от Байрам-Али, в том числе несколько крепостей. Самая маленькая среди них — Акча-депе I, расположенная на современном такыре в 26 км северо-восточнее Антиохии Маргианской (Гяур-кала), в северной части сравнительно небольшого поселения. Последнее усеяно на выдутой поверхности разнообразным инвентарем и, судя по встреченному тут материалу, существовало как при парфянах, так и в раннюю пору становления феодализма. Сама крепость, прямоугольная в плане (примерно 110×140 м), имела угловые башни (из которых северо-восточная и северо-западная не сохранились) и промежуточные, по две в каждом фасе. Исключение представляет южный, где их было три и где у юго-восточного угла расположены ворота. Вдоль стен с внутренней стороны на поверхности в изобилии лежат фрагменты керамики, свидетельствуя, что здесь тянулись какие-то постройки. В середине крепости возвышается платформа, на которой некогда стояло небольшое здание, возможно, появившееся уже в VI—VII вв. Среди встреченного материала имеются: бронзовые трехперые втульчатые наконечники стрел, мелкие керамические метательные ядра, небольшой каменный жернов (28 см в диаметре), железные шлаки и крицы, а также медные поздне-парфянские монеты.

Лучше сохранила свой «парфянский» облик крепость Чичанлык-депе, развалины которой расположены в 16 км к северо-западу от Антиохии Маргианской. Она защищала более крупное поселение, которое отчетливо прослеживается по встречающейся

вокруг на поверхности слабо выраженного микрорельефа керамике. Эта последняя начинает попадаться с восточной стороны почти за километр от Чичанлык-депе. Крепость представляет не совсем правильной разбивки четырехугольник со сторонами от 160 до 170 м. В каждой стороне имеются по две угловые и по четыре промежуточные прямоугольные башни, за исключением восточной, в которой устроены ворота. Верхние части стен сложены из крупного сырцового кирпича ($42 \times 42 \times 12$ см и $41 \times 41 \times 12$ см.). Внутри крепости пустое пространство, и только вдоль стен когда-то теснились постройки, о которых говорит сосредоточение здесь керамики парфянского типа. Неподалеку от юго-западного угла найдены две народные терракотовые фигурки парфянской богини-матери. Одна из них округлая и более ранняя по времени. Другая более поздняя: у нее скульптурная, высокого рельефа голова, плоско трактованное туловище, а одежда густо покрыта круглыми нашивными бляшками, напоминающая украшения национальных костюмов туркменских женщин (рис. 2).

Наиболее крупной и лучшей по сохранности из обнаруженных в 1951 г. крепостей является Дурнали. Лежит она в 25 км к северо-западу от Гиур-калы, в центре значительного парфянского поселения. Площадь ее — около 3 га. В плане это неправильный четырехугольник, слегка вытянутый с севера на юг (рис. 3). Основания стен имеют скат на наружной стороне. Выше идет кладка из сырцовых кирпичей ($40 \times 40 \times 13$ см), из которых выведены и башни и стены. Стены хорошо сохранились до 6 м в высоту, что дало возможность предложить графическую их реконструкцию. Как и в крупной парфянской крепости этого же района, Чильбурдж (ВДИ, 1951, № 4, стр. 99), в стенах Дурнали устроено много подлинных и фальшивых стреловидных бойниц. Несмотря на различное протяжение, каждый фас крепости имел по две продолговатые двухярусные башни на углах и по семь промежуточных прямоугольных, из которых каждая средняя была больших размеров, чем остальные. Иной вид был у южного фаса, в котором устроены ворота. Их прикрывало расположенное западнее самих ворот мощное, башенного типа сооружение, на оплывших склонах которого нами собрано свыше десятка кусков от крупных декоративных парфянских зубчатых кирпичных плит (до полуметра в длину при толщине почти в 7 см). Они напоминают аналогичные, но меньших размеров, плиты из раскопок на Старой Нисе¹. О первоначальном устройстве ворот судить нельзя, ввиду перестроек в IX—X вв., при которых использовался кирпич более мелкого размера ($32 \times 32 \times 6$ см). В юго-западной части крепости сохранились массивы двух крупных сооружений. От более северного из них уцелели пяты свода значительного пролета. Примерно в середине крепости высятся развалины помещения, вероятно, предназначавшегося для коменданта; там найдена одна медная парфянская монета. К югу, востоку и северу видны остатки еще каких-то построек, время возведения которых пока осталось невыясненным. Безусловно к IX—X вв. относятся сооружения вдоль восточного и отчасти южного фасов. Тогда же среднюю башню восточного фаса оштукатурили изнутри. Внутри крепости из предметов парфянского времени встречены: керамика (в особенности сосуды с под-

Рис. 2. Чичанлык-депе. Терракотовая фигурка парфянской богини-матери

¹ Г. А. Пугаченкова, Архитектурные памятники Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 223.

кошенным дном), фрагмент терракотовой женской фигурки с головным убором, несколько напоминающим таковую у туркменок, и четыре парфянские медные монеты.

Поселение эпохи рабовладельческого строя окружало крепость Дурнали со всех сторон. К северу располагался квартал гончаров, где среди кусков керамических шлаков найдено каменное ложило. Южнее крепости подобран трехперый бронзовый наконечник парфянской стрелы. Всего с площади поселения собрано свыше десятка медных парфянских монет, две сасанидских (одна — Шапура I) и один саманидский фельс, выпущенный в Мерве в 305 г. хиджры с именем Насра, сына Ахмеда. Как удалось установить, поселение раннефеодального времени занимало преимущественно площадь к востоку, юго-востоку и югу от крепости.

Территории парфянских поселений Мервского оазиса, примыкающие к обследованным ЮТАКЭ крепостям, или засыпаются песком, сквозь который кое-где проступают остатки строений, позволяющие (как в Джин-депе) даже снять планы целых сооружений, или, вследствие интенсивного выветривания, почти сравнены с землей и имеют незначительный микрорельеф, но зато гуще усеяны керамикой и иными остатками. В обоих случаях наиболее характерными объектами среди них являются: ракушки из Индийского океана, бронзовые втульчатые и железные черешковые трехперые парфянские наконечники стрел, разнообразные терракотовые народные скульптурные фигурки различных божеств (преимущественно богинь) и, наконец, медные парфянские монеты. Подавляющее большинство их не имеет аналогий в общегосударственном чекане, хотя несут обычные для него типы *av.* и *rev.*, а именно: на лицевой стороне — бюст царя влево, а на обороте — сидящий вправо Аршак с протянутой вперед рукой, держащей лук. При этом легенды за самым малым исключением выполнены парфянским шрифтом и снабжены знаком «П», иногда с точкой в середине. Бюсты царей имеют позади круглую буклю, как у некоторых так называемых индопарфянских правителей (например, Пакора) или у Вологаза IV (конец II — начало III в. н. э.) и Хосрова (106—130 г. н. э.), но с иным типом прически в верхней части. Бороды, прически, трактовка глаз, а также эпиграфические данные легенд позволяют считать основную массу этих монет выпущенной не ранее второй половины I в. н. э. и принадлежащей местному маргианскому чекану, когда эта провинция, вслед за Гирканией, получила известную автономию. То, что они встречаются в значительном количестве в отдельных поселениях Маргианы, свидетельствует о развитой торговле с монетным обращением. Это характерно и для соседних амударьинских областей, где отмечается необычайное обилие медной монеты кушанского чекана. Показательно, что в области Нисы, гораздо более бедной, чем Маргиана, парфянских монет встречается очень мало. Вместе с тем, среди многолетних нумизматических сборов ЮТАКЭ по Марыйской области отсутствуют кружки кушанского чекана, тогда как современная им медная аршакидская монета весьма часта не только в Антиохии Маргианской, но и в окрестных поселениях. Это является лишним доводом против безусловно неверной точки зрения, будто Маргиана на протяжении около двух веков входила в состав государства «Великих кушан»¹.

Самые крупные раскопочные работы в 1951 г. производились близ Ашхабада, на городище Старая Ниса, имеющем площадь до 14 гектаров и представляющем своеобразный дворцово-храмовый заповедник, связанный с местом погребения первых парфянских царей.

Для разрешения вопроса о водоснабжении города была осуществлена нивелировка, сопровождавшаяся соответствующими зачистками. Выяснилось, что вода поступала самотеком с западной стороны около существовавшего здесь прохода. Затем она шла в широтном направлении поперек городища с запада на восток и имела отвод

¹ Cp. R. Chirshman, Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchanes, «Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan», XII, Caire, 1946, стр. 151.

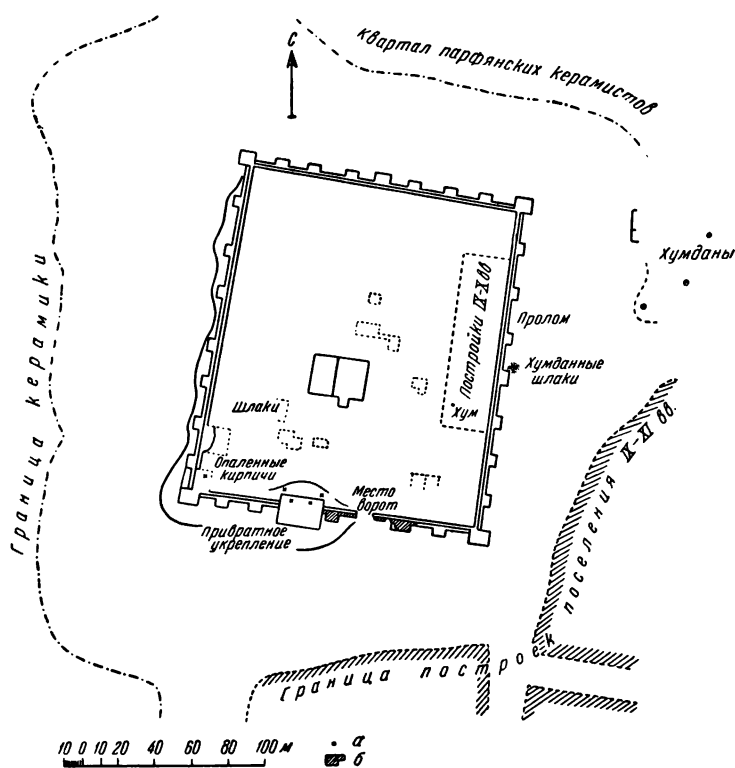

Рис. 3. Парфянская крепость на городище Дурнали (схематический план)

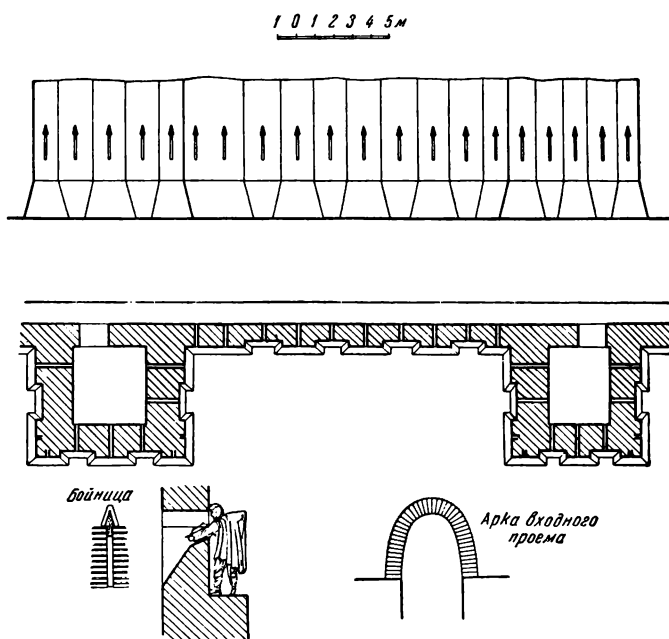

Рис. 4. То же (детали стены восточного фасада)

в сторону так называемого северного комплекса. Здесь под полами коридорообразного помещения и 14-й колонной компаты установлено наличие магистрали из глиняных обожженных труб, выводивших воду за пределы дома на север. Главный же водосток огибал южный архитектурный комплекс с востока, поворачивал на юг и наполнял здесь ряд крупных водоемов. Труба, видневшаяся с наружной южной стороны

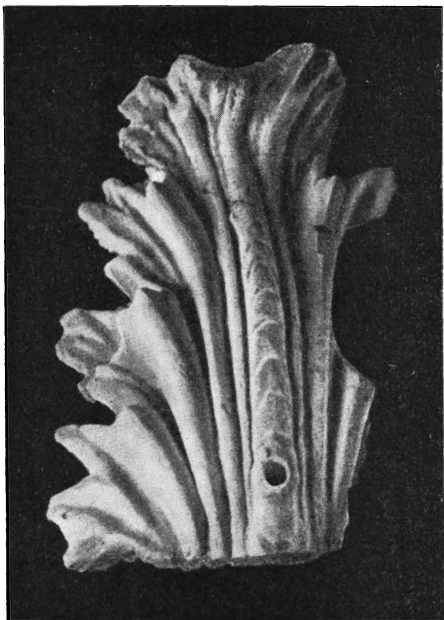

Рис. 5. Старая Ниса. Крупный терракотовый аканф из «круглого зала»

крепостной стены и принимавшаяся прежними исследователями за начало ввода воды в крепость, при расчистке оказалась лежащей с наклоном наружу. Дальнейшие исследования показали, что здесь под стенами изнутри крепости была выкопана длинная, овальная в сечении, галерея до полутора метров высоты при ширине несколько менее метра, на наклонном дне которой проложили магистраль. Сами трубы оказались более крупными (длиной до 85 см при диаметре в 21—25 см), чем средневековые. Эта магистраль была предназначена для спуска воды за пределы крепости, а упоминавшаяся торчащая труба была ее концевой частью.

Закладка широких разведочных шурфов на ровных местах городища Старая Ниса привела к обнаружению культурных слоев с остатками сооружений. Неподалеку от юго-восточного угла северного комплекса была обнаружена поздняя парфянская мусорная яма, прорезывавшая стены древней парфянской кладки. Наблюдения над молодым травяным покровом показали, что значительные территории, принимавшиеся за лишённые строений пустыри, площади и широкие проезды, в действительности в свое время были заняты какими-то строениями. Топографическая съемка с учетом

растительного покрова позволила нам понять план участка между северным и южным архитектурными комплексами. Раньше тут предполагалась широкая улица — теперь наметилось наличие остатков оград или стен. Таким образом, 1951 год показал, что Старая Ниса была в свое время покрыта более густой застройкой и имела более сложную планировку, чем это считалось раньше.

В южном дворцово-храмовом комплексе велись раскопки «круглого зала», имеющего 17 метров во внутреннем диаметре. В 1951 г. удалось открыть примерно треть его внутренней площади. Мощные стены сооружения, сложенные из парфянского сырцового кирпича, уцелели на высоту до 6 м, утратив при этом больше половины. В их нижней части сохранились остатки гладкой белой штукатурки. При раскопке найдено несколько великолепных крупных терракотовых аканфов, явно предназначавшихся для капителей (рис. 5), а также фрагменты профилированных рельефных и прорезных терракотовых плит с различными изображениями (полумесяца, горита и др.). Очевидно, в «зале» были колонны или полуколонны, располагавшиеся во втором ярусе стен подобно тому, как это имело место на острове Самофраке в Арсинойоне. Последний был построен в начале III в. до н. э., на несколько десятков лет раньше, чем «круглый зал» в «Старой Нисе», возведенный во второй половине того же столетия. Упомянутые профилированные плиты с изображениями могли, как и в Арсинойоне, располагаться в нижних частях интерколумниев. По мере приближения к полу стали попадаться лежащие горами фрагменты от разбитых окрашенных крупных глиняных статуй. Зачистка их не производилась из-за наступления сырой погоды и была пере-

несена на 1952 г. Тщательное изучение внутреннего завала выявило несколько этапов в истории разрушения здания после III в. н. э. Из отдельных предметов заслуживают быть отмеченными алебастровые пустотелые комья, покрытые снаружи отпечатками печатей с неразгаданными знаками, имеющие внутри остатки семян каких-то дикорастущих растений, видимо, связанные с справлявшимися здесь религиозными обрядами. Возможно, что они являлись votivными приношениями. Особенно знаменательна находка фрагмента части женской руки из белого мрамора немного меньше натуральной величины.

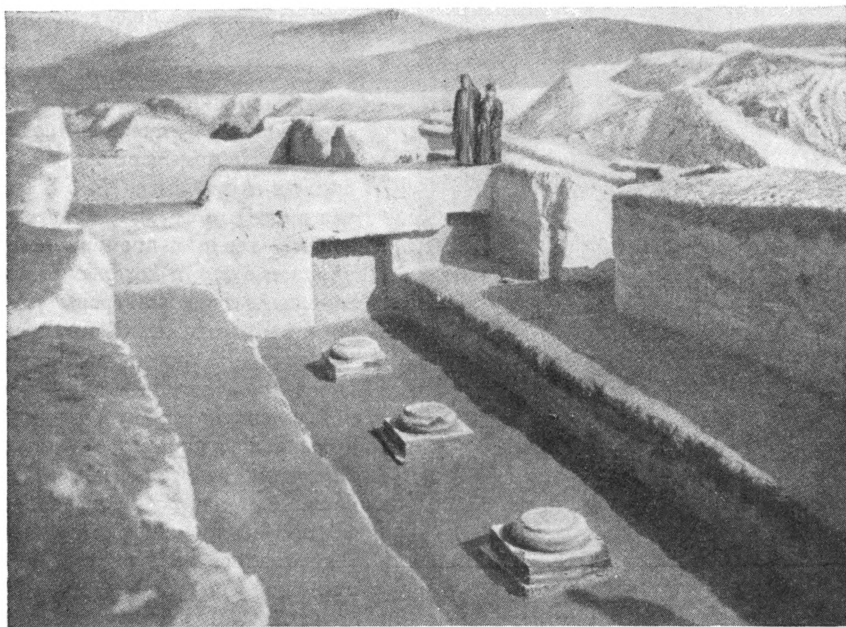

Рис. 6. Старая Ниса. 18-ое колонное помещение северного комплекса

Главное внимание при работах 1951 г. было сосредоточено на северном архитектурном комплексе. Здесь выявлены контуры большого дома, занимавшего с внутренним двориком площадь примерно в 3500 м². По его четырем сторонам вскрыты крупные колонные помещения. Эти однотипные комнаты принадлежат первому строительному периоду основного здания, в архитектуре которого удалось установить наличие определенных модульных закономерностей. Раскопками выяснено, что первоначально дом состоял из квадратного дворика в центре, окруженного со всех сторон портиками, деревянные колонны которого опирались на каменные базы. За портиками в каждой стороне имелось по три крупных помещения с четырьмя колоннами по длинной оси каждого (рис. 6). Колонны стояли на базах из зеленоватого песчаника или из жженных кирпичей, покрытых толстым слоем алебастра. У здания имелся только один проход в южном фасаде близ юго-западного угла.

Помещения второго строительного периода появились вдоль восточного фасада. Порттик был застроен со стороны двора стеной и разделен поперечными перегородками на отдельные отсеки. Из комнат второго периода особенно интересна кордегардия, имеющая внутри по обе стороны входных дверей две крутые, ведущие на крышу лестницы. На полу здесь встречены между прочим короткие трехперые черешковые парфяnsкие наконечники стрел, а около дверей — привезенный из Египта сосуд из алебастра с двумя ручками (рис. 7), напоминающий аналогичный предмет V в. до н. э. с именем

ахеменидского царя Артаксеркса¹. Полностью раскопано длинное коридорообразное помещение третьего строительного периода, вытянутое вдоль северного и западного фасадов. Оно своим нижним концом упиралось в поперечно отходящую комнату с белой штукатуркой. В вскрытой части этой комнаты обнаружена пристенная колонна, ствол которой по белому фону покрыт росписью в виде красных гирлянд, переплетенных черными лентами со спускающимися в местах перехватов петлями.

Тщательное послойное изучение всех помещений, наблюдения за стыками стен, характером их кладок, простукивание оштукатуренных поверхностей и, наконец,

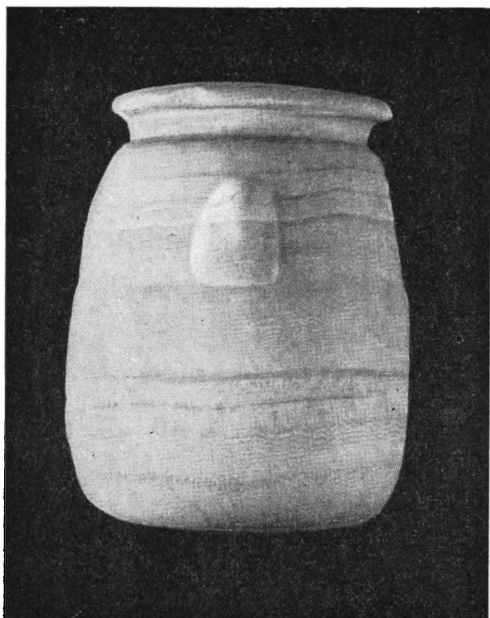

Рис. 7. Старая Ниса. Египетский сосуд из полупрозрачного алебаstra

начатый разбор закладок дверных проемов позволили выяснить не только периодизацию в истории сооружения раскапываемого крупного дома. Удалось наметить ряд последовательных этапов в постепенном заполнении различными предметами отдельных помещений с последующим их замуровыванием. Выяснено, что в каждом фасаде раньше наполнялись вещами крайние комнаты, наружные двери которых тщательно заложены и оштукатурены и снаружи и изнутри, после чего остававшийся ненужным проход использовался для устройства дополнительной площади выступов-полок, тянувшихся вдоль стен помещений. Выходили из этих комнат через боковые пролеты в средние помещения, после чего двери наглухо заделывались и штукатурились, но уже только со стороны средней комнаты. По заполнении последних, их покидали через наружную дверь, которую закладывали и заштукатуривали лишь снаружи. При по-

степенном устройстве перегородок в пристройке второй очереди в них не оставляли никаких проемов, а по использовании всей наличной площади получившихся отсеков, наружную дверь, расположенную у северного конца, замуровали и скрыли под общей для всей стены штукатуркой. Разборка добавочной вставки «полки» у наглухо заделанной изнутри и заштукатуренной наружной двери 16-го помещения обнаружила заложенные в кладку две великолепной сохранности художественной работы тетрадрахмы греко-бактрийского царя Евтидема I, правление которого условно принято помещать между 220 и 200 гг. до н. э. На лицевой стороне их изображен бюст царя с диадемой вправо; на обратной — фигура сидящего на скале Геракла, опирающегося правой рукой на палицу (рис. 8); по сторонам легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ. Как известно, в правление Евтидема Маргиана еще не входила в состав Парфии и принадлежала Греко-Бактрийскому царству. Находка двух упомянутых тетрадрахм лишний раз подкрепляет наши определения времени сооружения дома, которое мы с самого начала раскопок относили к концу III в. до н. э.² Среди прочих монетных находок в других

¹ Атлас по истории культуры и искусства Древнего Востока, [Государственный Эрмитаж, М.—Л., 1940, стр. 48, табл. 104.

² М. Е. М а с с о н, В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, ИАН СССР, Серия истории и философии, 1950, т. VII, № 2, стр. 189.

Рис. 8. Старая Ниса. Тетрадрахма Евтидема I из заклада
прохода 16-го колонного помещения

Рис. 9. Старая Ниса. Увеличение оттиска парфянской печати

местах имеется позднее подражание драхме Александра Македонского (комната 18) и великолепный селевкидский крупный литой халк со скошенным гуртом времени Антиоха III Великого, противника Евтидема I. На лицевой стороне одной монеты помещен бюст царя вправо, а на оборотной — идущий вправо слон и легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

Исследования 1951 г. ознаменовались неожиданным открытием, имеющим значение не только для понимания северного комплекса Старой Нисы. С 1948 г. на полу и на «полках» нам попадались мелкие неоформленные комочки черновато-серой глиняной массы, назначение которых оставалось непонятным. Раскапывавшиеся в 1951 году колонные помещения заключали в себе аналогичные комочки несколько больших размеров и относительно лучшей сохранности. Подвергнутые тщательной очистке, они оказались несущими оттиски различных гемм-печатей. В нескольких случаях путем подбора отдельных кусочков удалось восстановить примерную форму комков, через которые пропускались концы бичевки и на поверхности которых оттискивались печати. Выяснилось, что мятые между ладонями рук комки накладывались на разной формы поверхности, в том числе, видимо, и на специально заготовленные дощечки. Материалом для этого своего рода «сургуча» служила, повидимому, особая глина, в которую добавлялся тальк. Получавшаяся при этом масса при смачивании обладала хорошими пластическими свойствами. После высыхания она становилась относительно прочной. Таким образом, был установлен факт, что в большом доме, имевшем один проход, охраняемом в течение нескольких столетий существования парфянского государства стоявшими на крышах караулами, были не только замурованы дверные проемы, но внутри комнат оплурованы и опечатаны находившиеся в них предметы.

Последующее изучение, показало, что в акте опечатывания принимали участие несколько комиссий, не менее чем из четырех лиц каждая, причем, в связи с одновременностью своей деятельности, они работали всякий раз в ином составе. Наличие в разных, даже соседних комнатах повторяющихся оттисков печатей, принадлежавших одним и тем же лицам, является исключением. Поскольку одна и та же печать в пределах одной комнаты оказывалась оттиснутой несколько раз, по уцелевшим фрагментам нам удалось в ряде случаев постепенно восстановить изображения, бывшие на самих подлинниках. Всего на данный момент выявлено несколько более полусотни печатей, принадлежавших представителям парфянской знати, жрецам и чиновной бюрократии I в. до н. э.—I—II вв. н. э.

Судя по характеру оттисков, подавляющее большинство печатей представляло собой резанные на самоцветах и отчасти, может быть, на стекле и металле геммы, вправленные в металлические, вероятно золотые, кольца. Щитки гемм или круглые (всего 10 штук с диаметром от 9 до 12 мм) или овальные, преимущественно эллиптические (рис. 9). Из них больше всего вертикальных (максимальные размеры 11 × 18 мм; минимальные 5 × 9 мм) и меньше горизонтальных (максимальные размеры 18 × 13 мм; минимальные 9 × 6,5 мм).

Сюжеты помещенных на щитках изображений очень разнообразны. На четырех геммах вырезаны отдельные наковальни, что в известной мере перекликается с нередким изображением на вышеупомянутых ритонах фигуры Гефеста, иногда в сообществе парфянских муз и что, видимо, намекает на распространенность среди парфян культа бога-кузнеца. Почти половина печатей несет изображения божеств (Афины, Эроса и др.) и фантастических существ (сфинксов, кентавра, дракона). Особой популярностью у воинственных парфян, видимо, пользовалась Ника. Почти 20% из числа восстановленных в 1952 г. изображений на различных геммах имеют на щитках фигуры Ники, идущей влево с венком и пальмовой ветвью в руках. Иногда она одна; в других случаях она стоит перед подбоченившимся всадником, протягивающим руку за лавровым венком. Не менее популярны сцены охоты. Одиночные охотники то пешие, то конные преследуют оленей, козлов, джайранов, антилоп-сайга, стреляя в них из небольшого лука. Животные несутся в стремительном беге вправо, иногда как бы привстав на задние ноги и обернув назад в сторону охотников голову. В некоторых случаях жертву преследует орел (рис. 10). На двух геммах это явно дрессированные охотничьи орлы, так как

позади у них развеваются концы завязанной на шее ленты. На одной гемме на мчащую влево дикую козу набросился орлеподобный грифон с тяжелым завитком вместо хвоста. Тема всадника весьма распространена; на одной гемме представлен человек, сидящий на верблюде. Имеется сцена единоборства человека с поднявшимся на задние ноги чудовищем, по сюжету близкая ахеменидскому искусству. На другой гемме всадник с копьем наперевес мчится на поднявшегося на задние лапы льва. Очень часты изображения животных: горбатый зебу, коза, кормящая козленка и др. Иногда эти животные парные или обращены друг к другу поднятыми вверх мордами или расположены по обе стороны древа. Интересно отметить наличие у некоторых лошадей выстрижки стоящей гривы с пропусками, как мы видим это на некоторых наскальных

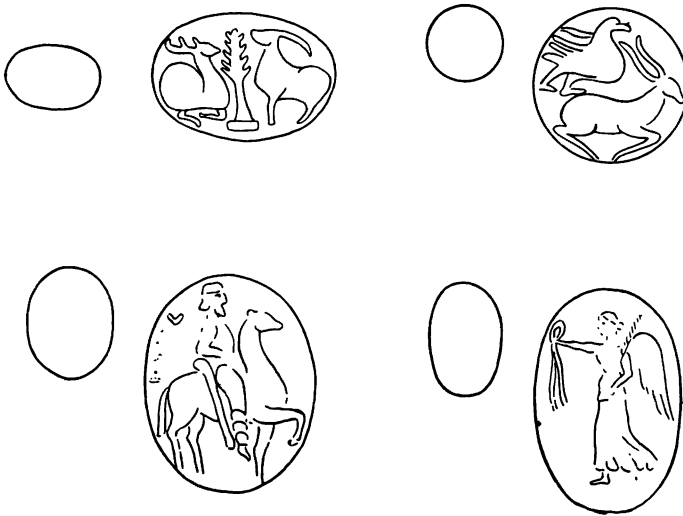

Рис. 10. Старая Ниса. Восстановленные по фрагментам оттисков рисунки парфянских гемм (овалы и круг слева — натуральная величина печатей)

изображениях, на ранне-средневековых памятниках и как в Южном Туркменистане делают туркмены до сих пор.¹

На некоторых оттисках усматриваются следы букв коротких надписей. Только в одном случае надпись выполнена явно греческим алфавитом с утяжеляющими концы точками. На фрагменте оттиска читается: **ΑΙΓΙΝ·Υ**, но можно допустить, что на самой печати впереди стояло еще какое-то слово. Несмотря на чисто греческое имя, владелец печати по происхождению мог быть знатным парфянином, присвоившим себе «по моде» добавочное греческое прозвище. Остальные дошедшие до нас коротенькие надписи на оттисках выполнены парфянским алфавитом и содержат, повидимому, имена, прозвища и, может быть, названия должностей. Во всяком случае, М. М. Дьяконов на одной из гемм прочитал чисто парфянское имя Тиридат. Все эти оттиски весьма интересны в эпиграфическом и лингвистическом отношениях. Кроме того, они важны как целый комплекс подлинно парфянских гемм, которые позволяют проконтролировать прежние определения гемм в различных музейных собраниях¹.

Хотя основная масса предметов, некогда замурованных в отдельных помещениях раскапываемого на Старой Нисе здания, исчезла при их ограблении в III в. н. э. после

¹ О весьма невысоком уровне научных знаний о парфянских геммах можно судить по статье N. C. Debouise, *Parthian Seals*, SPA, т. I, London — New-York, 1938, стр. 471.

падения династии Аршакидов, тем не менее даже оставшаяся незначительная часть отличается большим разнообразием. В 1951 г. обнаружены предметы из слоновой кости, разных пород камня, раковин, мастик, железа, меди, серебра, глины. Среди керамики интересны несколько илоских, круглых фляг для вина с двумя ушками по обе стороны широкого и высокого горлышка (рис. 11). Некоторые из фляг покрыты беловато-зеленой поливой. Что в раскапываемых помещениях в свое время были сосуды из драгоценных металлов, указывает между прочим находка илоских фигурных серебряных,

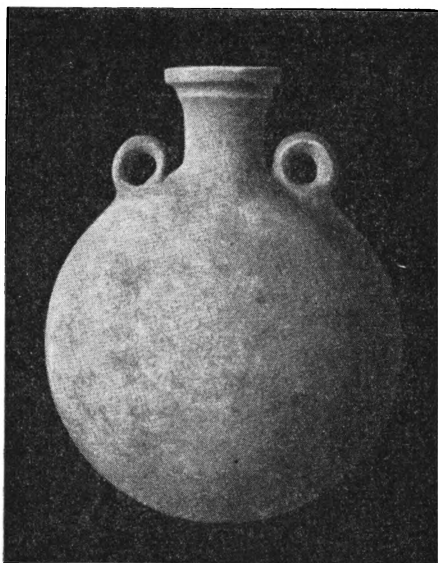

Рис. 11. Старая Ниса. Керамическая парфянская фляга (мустахара) для вина

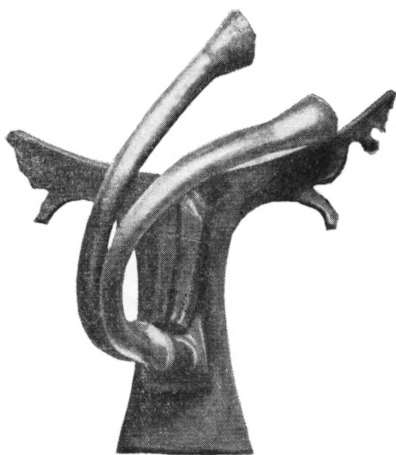

Рис. 12. Старая Ниса. Серебряная ручка канфара

частично нозолоченных, ручек от пяти канфар нозднего тина, которые, по мнению В. Д. Блаватского, могут быть датированы концом II—I вв. до н. э. (рис. 12). В нескольких местах встречены остатки истлевших тканей, покрытых раскраской и нозолотой. В углу 20-го помещения скопление такой тяжелой ткани образовало многослойную толщу в несколько сантиметров. Судя по наличию украшавших ее бронзовых бляшек, можно думать, что это — нарядная конская нозона. Добыто много остатков стеклянной утвари, гладкой и гофрированной, расписной и частично нозолоченной. Впервые получены целые ромбовидные толстые плитки синего литого стекла, служившие, очевидно, для инкрустации крупных деревянных предметов. Очень эффектные большие рубчатые бусины, отлитые из непрозрачного стекла. Нашлось несколько фрагментов изделий, выточенных, из горного хрусталя.

Из оружия, кроме железных черешковых наконечников стрел, встречены: крупная, тяжелая железная секира; много нацпырных железных пластинок разных типов, в том числе, от брони тяжеловооруженных парфянских всадников и их лошадей; бронзовый умбон от щита с изображением головы Горгоны, а также два овальных парфянских щита. Один из них, наиболее крупный (78 × 87 см), был, несомненно, нарядным. Он украшен по краю десятью массивными железными нальметками, чередующимися с десятью изображениями стоящих орлов с повернутой назад головой. Середину щита занимает большой железный трезубец.

Среди предметов из слоновой кости хороши вырезанная в виде плоской пластины голова льва и части ритонов, дающие новые варианты к ранее добытым аналогичным

предметам (например, рога оленя, служившего концевой скульптурной фигурой, или изогнутые рога от исключительно крупной фигуры крылатого львоподобного грифона). Особенно же интересна находка художественной работы ларца. Его деревянные части утрачены, но сохранились многочисленные и разнообразные, служившие инкрустацией, пластинки из слоновой кости. Среди них прямые линейки, которыми выкладывалось обрамление рамок; всевозможных форм отдельные элементы орнамента: всякого вида розетки, листья и грозди винограда, змеи, головы собаки, орлеподобного

Рис. 13. Старая Ниса. Дионис. Деталь инкрустации из слоновой кости

Рис. 14. Старая Ниса. Позолоченная терракотовая фигура

грифона, силенов; задрапированные в пышные восточные одеяния фигуры парфянского Диониса (рис. 13), опирающегося правой рукой на тирс, может быть, Ариадны и еще какого-то третьего персонажа.

По сравнению с несколько примитивно трактованными глиняными народными маргианскими скульптурами, изображающими различные парфянские божества, найденные на северном комплексе терракотовые фигурки отличаются большим изяществом. Они сделаны из тонко-отмученной светложелтой глины, очень легки, пустотелы, если представляют собой круглую скульптуру, и сплошь покрыты позолотой. Одна такая фигурка представляет возлежащую на скале женщину, может быть, наяду. В художественном отношении особенно хороша фигурка обнаженной девушки, от которой до нас дошла часть торса и голова с интересной трактовкой глаза (рис. 14).

В 17-ом помещении оказалось несколько металлических скульптурных фигурок, преимущественно серебряных с частичной позолотой. Среди них сказочное крылатое существо с женской грудью и головой, на одной звериной лапе львоподобного грифона. По мнению В. Д. Блаватского, это одна из трех ножек от цилиндрической писты, служившей для хранения рукописных свитков-волюменов. Из беловатой бронзы выполнена массивная фигурка крылатого сфинкса с туловищем льва, с женской грудью и головой, несущей тяжелую своеобразную прическу (рис. 15). Судя по позе сфинкса и по сохранившимся у оснований ног пластинкам, эта скульптура могла служить

Рис. 15. Старая Ниса. Бронзовая фигурка сфинкса

Рис. 16. Старая Ниса. Серебряная фигурка Эроса

Рис. 17. Старая Ниса. Серебряная позолоченная фигурка Афины

одной из двух декоративных ручек, приклепывавшихся по обе стороны горла крупной металлической вазы. Изящна серебряная фигурка готового к отлету обнаженного младенца Эрота (рис. 16). Привстав на цыпочки, расправив позолоченные крылья, бог протягивает вперед руки, на которые надеты два браслета из золотой проволоки. Совершенно в ином духе почти сплошь позолоченная фигурка парфянской Афины. Серебряными оставлены только лицо и обнаженные руки. Богиня до низу задрапирована в складчатые одежды. На груди ее — эгида с головой Горгоны. В правой руке — фиала или диск. В левой руке, видимо, были утраченные в древности копы или щит. На голове — высокий парфянский шлем (рис. 17). Лицо богини совсем не похоже на канонизированные в греческом искусстве изображения Афины. Небольшая изогнутость чуть запрокинутого назад туловища и слегка косой срез основания указывают на то, что фигурка была посажена на какую-то наклонную поверхность. Возможно, что и Эрот и Афина венчали крышки цист или других предметов.

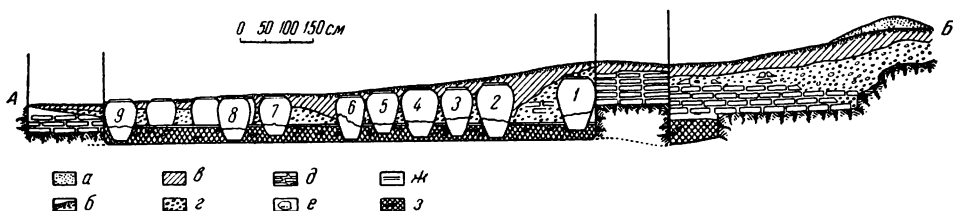

Рис. 18. Старая Ниса. Разрез хуманы I и хуманы II с обозначением мест находок парфянских документов. Условные обозначения: а — отвал земли 1936 г.; б — дермовой слой; в — натежно-надувной слой; г — разрушенная кирпичная кладка; д — сырцовые кирпичи; е — позднейшие погребения; ж — уровень пола; з — насыпной слой под полом со включениями остраконов

Раскоп, заложенный рядом с большим домом, восточнее 11-ой колонной комнаты, где была найдена основная масса царских ритонов, примерно в 8 метрах от восточного фаса наружной стены сокровищницы, вскрыл никак не связанные с ней строения позднепарфянского времени. В 1951 г. были расширены три помещения. Два из них оказались винными складами, в пол которых в три ряда были закопаны на глубину до 30 см типичные парфянские хумы-пифосы разных размеров. В более крупном складе (хумане) их размещалось до трех десятков. Третье помещение, раскопанное частично, имело вдоль южной стены небольшую оштукатуренную алебастром полку и прямоугольный оштукатуренный резервуар (1,90 × 3,10 м). На его выложенном бесформенными каменными плитами дне оказался слой слежавшихся виноградных косточек, имевший в середине толщину до 12 см, а у краев — до 30 см. У западной стены откопаны два стоящих рядом парфянского облика, но не совсем обычных, крупных хума-пифоса с венчиками почти без заплечиков и с очень широкими отверстиями. Несомненно, что здесь находилось здание, связанное с хранением вина (рис. 18). Расположение постройки вблизи сокровищницы заставляет предполагать, что вино это предназначено для дворцовых, а вероятнее, храмовых нужд. Наличие слоя виноградных косточек в 12—30 см толщины на дне резервуара показывает, что использование его было прекращено каким-то событием, прервавшим обычный уклад жизни в Старой Нисе. Очень возможно, что этим событием являлось свержение династии Аршакидов и падение Парфянского государства.

Углубление ниже уровня пола привело к еще одному значительному открытию. Оказалось, что при выравнивании строительной площадки перед возведением сооружений под пол и стены попало немалое количество парфянских надписей, написанных на фрагментах сосудов. Всего было извлечено около 150 остраконов. Часть этих остраконов по своему содержанию близка к прежде найденным ЮТАКЭ

в Нисе налоговым документам¹, связана с изготовлением вина и по разобранным показателям относится к концу II в. до н. э. К моменту возведения раскапываемых хозяйственных помещений эти остраконы утратили всякое значение и в связи с этим попали в засыпку (рис. 19). Каково содержание вновь открытых остраконов, покажет их расшифровка. Несомненно, однако, что находка столь значительного числа памятников парфянской письменности открывает новые перспективы в изучении парфянского

Рис. 19. Старая Ниса. Парфянские остраконы, обнаруженные под полом хумханы I

языка, эпиграфики и истории на основе подлинных документов, обнаруженных на территории коренных земель Парфии.

В связи с проблемой древних кочевнических культур были проведены раскопки могильных курганов в районе Коджа-Баши. Вскрытие производилось в двух «цепочках», из которых одна состоит из трех, а вторая из четырех курганов. Их земляные насыпи имели от 1 до 1,5 м высоты и от 25 до 40 м в диаметре. Полностью были вскрыты два кургана (работы вел отряд под руководством А. А. Марущенко).

В обоих раскопанных курганах оказался «катакомбный» тип погребений. Могилы закладывались галькой или крупными сырцовыми кирпичами парфянского типа (40 × 40 × 12 см), причем на некоторых из них по сырой глине пальцем прочерчена как бы овальная тамга. Оба раскопанных кургана оказались неразграбленными, и погребения в них были несколько нарушены лишь обвалом кровли. В одном из них (в Кизыл-Чешме) было женское погребение; в другом (у Хаса) — мужское. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на юг. Могильный инвентарь в обоих случаях был очень скромным. Глиняные сосуды, сделанные на гончарном круге, сближаются с керамикой поздне-парфянского облика. Среди них интересны маленькая, грязно-зеленоватой поливы, и большая, неглазурованная, фляги из мужского погребения. Анализ массы, соскобленной со стенок крупной фляги, показал, что в ней в момент захоронения находилось вино, изготовленное из кишмиша, распространенное и позднее у средневековых кочевников — гузов. В более разнообразный инвентарь

¹ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон, Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. «Материалы ЮТАКЭ», вып. 2, М.—Л., 1951.

мужского погребения, кроме керамических сосудов, входил (рис. 20) небольшой бронзовый котел с двумя ручками на низком плоском поддоне; выточенный из ленточного агальматолита сосудик с двумя ручками, трактованными в виде стилизованных животных, заключавший в себе остатки наземных частей каких-то растений; узкая зернотерка; короткий прямой железный кинжал; двусторонний железный клинок прямого меча (длина 83 см); трехперые железные черешковые наконечники стрел. Сохранившийся женский череп чисто европеоидный, мезоцефальный. Точную дату погребений пока установить не удалось. По типу раскопанные курганы напоминают

Рис. 20. Часть инвентаря из могильного кургана у Хаса. Слева — бронзовый котел

аналогичные курганные погребения, изучавшиеся мной в 1928 г. в долине Ангрена у Той-тюбе и в 1935 г. на правом берегу Чирчика, которые относились примерно к III в. н.э. Судя по всем признакам, раскопанные в районе Коджа-Баши погребения принадлежат кочевому народу и должны быть отнесены ко времени не ранее первых веков н. э. Раскопками этих курганов положено начало изучению древних кочевнических культур Южного Туркменистана.

К достижениям ЮТАКЭ 1951 г. принадлежат новые наблюдения над сельскими поселениями Маргианы поры рабовладельческого общества, верхний культурный слой которых содержит материал «поздне-парфянского облика». Между тем, он сопровождается сасанидскими медными монетами, выпущенными в правление Арташира I (224—241), Шапура I (241—272), Бахрама II (276—293) и Хормизда II (302—309). По форме и весу эти монеты еще близки парфянским. Так как никакого более позднего материала на большинстве таких поселений нет, то, очевидно, они после того замерли и перестали существовать. Из этих наблюдений вытекает несколько существенных выводов. Во-первых, в течение нескольких десятилетий после падения Парфянского государства в облике бытового инвентаря не произошло существенных изменений по сравнению с предшествующим временем и он, будучи по формальному признаку так называемым «сасанидским», по существу оставался присущим поре рабовладельческого общества. Во-вторых, хотя падение государства Аршакидов и приход к власти династии Сасанидов были вызваны наступлением кризиса рабовладельческого строя, но окончательное крушение рабовладельческого общества, с резко проявившейся на составе и облике археологического инвентаря переменой экономического базиса, произошло лишь в IV в. В третьих, пора кризиса рабовладельческого общества сопровождалась определенным упадком развитой до того жизни сельских районов, что как-то связано, вероятно, с появлением в Южном Туркменистане хионитов и других племен, сдвинутых со своих мест так называемым «великим переселением народов».

Падение государства Аршакидов, конечно, знаменовало в какой-то мере конец

эпохи наивысшего развития рабовладельческого общества в Южном Туркменистане, хотя естественно, что «новое» не могло мгновенно вытеснить и не заместило сразу «старого». Мы видим и по письменным источникам, что, несмотря на проводившуюся сасанидским правительством политику борьбы со всем, чем-либо напоминавшим Парфию, положительных результатов им удалось добиться в этом не так скоро. Даже термин «Парфия» вывели из употребления не так быстро, заменив его термином Хорасан. Еще в третьей четверти III в. н. э. Мани, казненный в царствование Бахрама I (273—276), писал, что он проживал «в течение многих лет в Персии, в стране п а р ф я н и до Адибы» (вероятно — Адиабены)¹. Вместе с тем известный текст автора IV в. Аммиана Марцеллина (кн. XXIII, 6) о якобы оказываемых, как он пишет, «в наши дни», Аршакидам преимуществах, явно носит на себе следы литературного анахронизма.

В заключение хочется подчеркнуть определенное стремление многих зарубежных специалистов опорочить, всячески принизить народы Средней Азии и сопредельных с нею стран, начиная с умаления их прошлого, в частности эпохи Парфянского государства. Если в Англии XVII в. историк-публицист Д. Мильтон, противопоставляя Рим и Парфию и отдавая предпочтение первому, все же отмечал, что «кроме этих двух монархий, остальные погружены в варварство», то в XX в. в Кембриджской истории В. В. Тарн тенденциозно пишет про Парфию, будто даже «нет данных, что государи и знать были действительно затронуты греческой культурой»².

Работы ЮТАКЭ 1951 г. своими новыми открытиями убедительно опровергают предвзятые высказывания буржуазных ученых и содействуют восстановлению подлинной истории древних народов Средней Азии и сопредельных стран, а также «справедливой оценке их роли в мировой культуре.

М. Массон

РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР ПО РАСКОПКАМ ПАМЯТНИКА IV—III вв. до н. э.— КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛА

(Март — май 1952 г.)

Ранне-античный памятник Кой-Крылган-кала расположен на территории Турткульского района Кара-Калпакской АССР, в песках Кызыл-Кум, на расстоянии около 40 км к юго-востоку от городища Топрак-кала, являвшегося в течение пяти лет (1946—1950) основным объектом раскопок Хорезмской экспедиции. Это один из многочисленных памятников района древнего орошения правобережного Хорезма, представлявшего собой впоследствии на протяжении многих столетий мертвый оазис с безводными каналами и развалинами крепостей, замков, селений и отдельных усадеб, часть которых относится к наиболее ранним этапам истории Хорезма, другие же — к периоду средневековья; лишь в годы Советской власти земли древнего орошения стали вновь осваиваться. В настоящее время в 4 км к западу от Кой-Крылган-кала, за непроходимыми для автомашин грядами высоких песчаных барханов, расположен новый, отвоеванный у песков, участок культурных земель Турткульского района. Колхозное хозяйство этого участка базируется на реконструированном древнем канале, вновь обводненном ныне водами Аму-Дарьи и получившем имя от расположенных в его низовьях

¹ C. Schmidt und H. I. Polotsky, Ein Mani-Fund in Aegypten, SPAW, 1933, I, стр. 48.

² W. W. Tarn, Parthia, САН, т. IX, Cambridge, 1932, стр. 591.